

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА В ГОРСКИХ ОКРУГАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ВОПРОСЫ АВТОНОМИЗАЦИИ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yanex.ru

В статье рассматривается эволюция исследовательских оценок одного из ключевых аспектов революционного периода на Северном Кавказе, а именно процессов национально-государственного строительства горских народов региона. Характерной тенденцией ранней советской историографии проблемы, являлся взгляд на революцию как на финальный акт национально-освободительной борьбы горцев против колониального угнетения. Однако, с начала 30-х гг., подобный подход был признан подверженным влиянию «буржуазно-националистической идеологии» и, соответственно, не отвечающим задачам пролетарского интернационализма. Новые исследования отныне акцентировали внимание на разработке вопросов классовой борьбы в регионе и создания и развития советской государственности коренного населения Северного Кавказа. Само национально-освободительное движение горцев рассматривалось теперь как неотъемлемая часть более глобальной борьбы за идеалы социализма. В постсоветских работах внимание уделяется становлению несветских форм государственности горцев, связанных с «февральским» дискурсом федеративного устройства постимперской России.

Ключевые слова: советская историография, революция, Северный Кавказ, национально-освободительная борьба, автономия.

Уже в ранних советских исследованиях национальная проблематика ставилась во главу угла в разворачивавшихся в северокавказском регионе революционных процессах. По словам Н. Янчевского, Терская область представляла «собой кипящий котел, kloкочущий национальной ненавистью, подогретой религиозным фанатизмом», где «национальный вопрос заслонял здесь все остальные вопросы» [Янчевский 1927: 187]. «Характерной чертой Октябрьской революции в горных районах в отличие от центральной России, – писал А. Бегаулов, – надо считать то, что наряду с разрешением вопроса о власти она разрешала задачи национально-освободительной борьбы» [Бегаулов 1932: 41]. «В революционном движении горцев Северного Кавказа, – отмечал Н. Буркин, – большое значение имела задача национального раскрепощения» [Буркин 1931: 5].

Определение «национально-освободительная борьба» или «национально-освободительное движение» оказалось удобным не только для характеристики событий 1917–1920 гг., но также для всего дооктябрьского периода взаимодействия царской России с северо-кавказским социумом. Сюда включались и события Кавказской войны, и народные восстания против репрессивной политики колониальной администрации, и, вызванное аграрным стеснением, абреческое движение начала XX в., и волнения в период революции 1905 г., то есть все, за что в прежние времена могла грозить, как минимум, сибирская каторга, становилось справедливой борьбой с национальным угнетением. Финальным аккордом этой борьбы

выступала Октябрьская революция, в результате которой, горские трудящиеся массы в союзе с русским рабочим классом под руководством партии большевиков, свергли своих угнетателей [Мужев 1965: 61].

В исследованиях революции, изложение непосредственно связанных с ней событий, предваряли картины тяжелого положения горцев в условиях самодержавного строя. «Трудящиеся массы горцев Северного Кавказа, – писал Буркин, – до Октябрьской революции были объектом самого беззастенчивого колониального грабежа со стороны русского самодержавия и своих эксплуататорских классов. После Кавказской войны горцы были окружены плотным кольцом казачьих поселений, а их земли были розданы казакам. Произошло уменьшение населения в горских областях, как за счет физического уничтожения, так и массового выселения в Турцию. Оставшееся горское население, загнанное царским правительством в глубокие горные ущелья было фактически обезземелено» [Буркин 1932: 28].

Такие открытые признания в жестких репрессивных действиях, допущенных царским правительством, должны были выступать своего рода контрастом с политикой Советов, освободивших горцев из-под колониального гнета. Большевики, как новая власть на Северном Кавказе, утверждавшаяся к тому же не безболезненно, не хотели, чтобы их считали правопреемниками старой, с которой ассоциировались все беды колониального периода. Подобные опасения были не безосновательны, поскольку в сознании горцев большевики идентифицировались, прежде всего, по понятному национальному, а не аморфному идеологическому признаку, то есть были теми же русскими, что и царские генералы, покорявшие Кавказ. На это обстоятельство указывал и В. Ленин: «Национальный гнет царизма, неслыханный по своей жестокости и нелепости, скапливал в неполноправных народностях сильнейшую ненависть к монархам. Нечего удивляться, что эта ненависть к тем, кто запрещал даже употребление родного языка, переносилась и на всех великороссов» [Ленин 1974: 115].

В своих исследованиях историки старались свести на нет возможность подобных ассоциаций. Царизм объявлялся общим врагом – для большевиков идеологическим, классовым, для горцев – национальным. Однако после победы советской власти уже не было необходимости чрезмерной апелляции к национальным чувствам, что, к тому же, расходилось с задачами начавшейся кампании по борьбе с «национальными и религиозными пережитками», направленной на складывание идеологически однородной социалистической нации. В этой связи, Буркин в статье «Великодержавность и национализм в горской историографии» подверг критике исследования 1920-х гг., обвинив их авторов в том, что они не стоят на марксистско-ленинской методологии и допускают уклон в сторону местного национализма. «Мы находим, – пишет Буркин, – что авторы отдельных работ по горской истории стараются обычно подчеркнуть особенность развития данной национальности. Мы имеем игнорирование наличия классовой дифференциации и классовой борьбы, приукрашивание своеобразной чистоты народного быта, затушевывание реакционной роли религии» [Буркин 1931: 56].

В дальнейшем, в исследованиях проблемы, отчетливо обозначилась тенденция рассматривать национально-освободительное движение горцев как составную часть движущих сил социалистической революции [Гугов, Козлов, Этенко 1988: 219], то есть представить его «национальным по форме и социалистическим по содержанию», тем самым оспорить положения западной (буржуазной) историографии об отсутствии на Северном Кавказе социальной почвы для распространения большевизма, и о том, что борьба за национальное освобождение являлась здесь исключительно межнациональной борьбой [Империалистическая интервенция 1988: 35–37].

В советских работах утвердился тезис о двойном гнете русского самодержавия и местных эксплуататорских классов – князей и помещиков, которому подвергались горские массы [Улигов 1979]. Соответственно, национально-

освободительная борьба последних, имела социальный подтекст, который обнаруживался не только в ходе революции, но и годы царской колониальной экспансии, проявившись как выступления против горской феодальной верхушки, классово родственной русским генералам. В дальнейшем, на почве этой борьбы, согласно данной схеме, горское крестьянство сблизилось с русским рабочим классом, являвшимся таким же противником самодержавия, и уже вместе с ним свершило социалистическую революцию.

Разрабатывая историю национально-освободительного движения горцев в годы революции, советские авторы не могли всецело представлять его движением горских низов и тем самым игнорировать очевидную роль в нем национальной «буржуазной» интеллигенции и духовенства. Однако, деятельность этих сил преподносилась как не пользующаяся широкой народной поддержкой, преследующая лишь свои групповые интересы и имеющая сепаратистскую направленность [Гугов 1975].

Исследуя вопросы национально-государственного строительства на Северном Кавказе, советская историография, сосредоточившись в основном на советских формах автономии горцев, в частности, провозглашенной в марте 1918 г. Терской народной республике, не дала должной не предвзятой оценки опыту национального самоопределения горцев в рамках светской, демократической Горской республики и теократического Северо-Кавказского Эмирата.

Современная российская историография, свободная от идеологических установок и опирающаяся на прежде не доступную документальную базу, обогатив исследования проблемы новым фактическим материалом, затронула ряд вопросов, которые, в силу обстоятельств, освещались советскими авторами предвзято или же вовсе были обойдены вниманием.

Прежде всего, обозначился новый подход в исследовании процессов национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. Считалось, что они были инициированы большевиками, санкционировавшими после прихода к власти образование горских автономий. В современной историографии начало этих процессов связывается с Февральской революцией и, соответственно, с деятельностью выдвинутых ею на политический олимп национальных демократических сил, образовавших «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана».

Более того, как считает В. Кажаров, национальная государственность горских народов после октябрьского переворота развивалась не благодаря, а вопреки советской власти. «На разрушительные силы, вклинившиеся в мирный процесс национального самоопределения этих народов в составе России, последние ответили созданием Горской республики и провозглашением 11 мая 1918 г. ее независимости» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 41].

Анализируя политику Временного правительства в национальном вопросе, А. Кажаров замечает, что «применительно к народам Северного Кавказа ни одна из существующих партий не допускала мысли о возможности предоставления им каких-либо форм государственно-политической автономии. Национально-государственные перспективы народов Северного Кавказа были предопределены потенциалом и возможностями Союза объединенных горцев решать существующие проблемы. От этого зависела и политическая роль горской национальной интеллигенции» [Кажаров 2012: 180].

Зародившиеся в последние годы существования СССР и активизировавшиеся после его распада национальные движения, которые наряду с культурным возрождением выдвигали задачи расширения автономистских возможностей, а в случае с Чечней и обретение независимости, актуализировали в научной среде исследование проблем сепаратизма на Северном Кавказе. Наиболее подходящий в этом отношении для аналогий период как раз был связан с крушением Российской империи.

В современной отечественной историографии прослеживается новая тенденция и в понимании природы национально-освободительного движения горцев [Матвеев 2011]. Вкратце ее суть сводится к следующим положениям. Советские историки в своем интернационалистском, классовом запале переусердствовали в критике дооктябрьской модели взаимодействия российских властей с горским социумом. Колониального гнета не было как такового и, собственно, горские округа не являлись колонией, но, напротив, уверенно стояли на рельсах гражданской интеграции в российское цивилизационное поле. Соответственно, уместно говорить не о национально-освободительной борьбе, а о частных случаях вспышек сепаратизма, не имевшего широкой социальной базы в горской среде.

При поверхностном взгляде на проблему, в действиях горских элит, инициировавших процессы национально-государственного строительства и старавшихся дистанцироваться от большевистской России, можно обнаружить сепаратистские тенденции. Однако, объективный анализ ситуации не приводит к подобным однозначным выводам. «В основе сепаратистских устремлений горской интеллигенции, – пишет А. Кажаров, – лежало идеологическое неприятие большевизма, а не антироссийские политические настроения или тем более традиции» [Матвеев 2011]. Необходимостью противодействия распространению большевизма и провоцируемой им анархии, мотивировались действия и клерикальных кругов, ратовавших за создание Северо-Кавказского теократического государства. Однако если Союз горцев обособлялся только от большевистской России, то лидеры Северо-Кавказского Эмирата отстаивали идею независимости от России в принципе, и свой союз с большевиками во время денникинской оккупации воспринимали как один из способов ее скорейшего достижения.

Автономистские устремления российских мусульман, в том числе и северокавказских горцев, усилившиеся после прихода к власти большевиков, по объективному мнению С. Исаакова, не являлись сепаратизмом «в привычном смысле слова» и здесь скорее уместней говорить об «этнорегионализме» и «изоляциизме», как попытке «сохранить своеобразие духовного и культурного уклада» в условиях социально-политического кризиса [Исааков 2004: 507–510].

В поле внимания российских историков оказались также формы самоуправления горцев, санкционированные белой властью. «Общепринятым в советской историографии, – отмечает В. Цветков, – был тезис о великодержавности, реакционности национальной политики белого движения на Юге России. В соответствии с этим и политика в отношении горских народов считалась основанной исключительно на силовом варианте подавления любых стремлений к автономии. Однако неправомерно было бы считать, что белая власть в своей политике на Кавказе не стремилась к миру, к максимально возможному в рамках единой России уступкам горской самостоятельности. В сравнении с порядком государственного управления, сложившегося на Кавказе во второй половине XIX в., это было заметным шагом вперед. Горцам предоставлялось право избрания своих правителей на съездах, гарантировалось сохранение шариатского права и суда, создание местного самоуправления, разрабатывались земельные законопроекты, призванные обеспечить право горцев на землю даже за счет частичной передачи им казачьих земель» [Цветков 1997].

Сам лидер белого движения на юге России А. Деникин указывал, что северо-кавказские народы в период его правления пользовались большой самостоятельностью, испытывая на себе лишь вызванное военным временем бремя мобилизации и необходимость продовольственных поставок сообразно численности населения [Деникин 1925: 115].

На данный момент в исследованиях революционно периода в национальных округах Северного Кавказа господствует мнение об отсутствии в автономистских устремлениях горцев тенденции к сепаратизму, полному «отрыву» от России. Подобный дискурс в среде горцев возникал лишь как реакция на отсутствие твердой центральной власти, сползание в анархию и, как случае с «Союзом горцев» –

протест против узурпации власти в стране авторитарным режимом большевиков, прервавших демократический путь развития пост имперского пространства.

В целом, следует признать, что основные векторы национальных движений коренного населения региона, так или иначе, были направлены на интеграцию в российское цивилизационное поле, но лишь при гарантировании определенных форм автономии. В конечном итоге, наибольшую популярность и успех на Северном Кавказе приобрела именно та общероссийская власть, которая провозглашала самые широкие автономистские права.

Источники и литература

1. *Бегулов А.С.* В борьбе за социалистическое развитие сельского хозяйства горских народов // Революция и горец. 1932. № 10–12. С. 39–58.
2. *Буркин Н.Г.* Революция 1905 г. в национальных областях Северного Кавказа // Революция и горец. 1931. № 3. С. 4–15.
3. *Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа // Революция и горец. 1932. № 10–12. С. 28–38.
4. *Буркин Н.Г.* Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. 1931. № 5. С. 44–60.
5. *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.
6. *Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А.* Вопросы историографии великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик: Эльбрус, 1988. 284 с.
7. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 4, 5. Вооруженные силы юга России. Берлин: Слово, 1925. 244 с.
8. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М.: Социально-политическая мысль, 2004. 600 с.
9. Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М.: Наука, 1988. 264 с.
10. *Кажаров А.Г.* Национально-политическое самоопределение народов Северного Кавказа в условиях революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Исторический вестник. 2012. Вып. X. Ч. I. С. 153–189.
11. *Кажаров В.Х.* Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-фа, 1999. 184 с.
12. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 35. 600 с.
13. *Матвеев В.А.* Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX – 1917 г.). Ростов н/Д: Омега-Паблишер, 2011. 560 с.
14. *Мужев Н.Ф.* Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа (1900–1914 гг.). Нальчик: КБГУ, 1965. 132 с.
15. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 356 с.
16. *Цветков В.* Забытые страницы второй кавказской войны // <http://www.vif2.ru>.
17. *Янчевский Н.Л.* Гражданская война на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. Т. 1. 208 с.

HISTORIOGRAPHY OF THE REVOLUTIONARY PERIOD IN THE MOUNTAIN DISTRICTS OF THE NORTH CAUCASUS: AUTONOMIZATION ISSUES

Zhansitov Osman Aslanovich, candidate of Historical Sciences, associate professor, Researcher of the New History section of the Institute of Humanitarian Researches – branch of the Federal

State Budget Institution «Federal Scientific Center» Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article discusses the evolution of research assessments of one of the key aspects of the revolutionary period in the North Caucasus, namely, the processes of national-state construction of the mountain peoples of the region. A characteristic tendency of the early Soviet historiography of the problem was the view of the revolution as the final act of the national liberation struggle of the highlanders against colonial oppression. However, since the beginning of the 30s. a similar approach was recognized as influenced by “bourgeois-nationalist ideology” and, accordingly, not meeting the tasks of proletarian internationalism. New studies now focused on the development of class struggle in the region and the creation and development of Soviet statehood of the indigenous population of the North Caucasus.

The highland national liberation movement itself was now considered an integral part of a more global struggle for the ideals of socialism. In post-Soviet works, attention is paid to the formation of non-Soviet forms of statehood of highlanders associated with the “February” discourse of the federal structure of post-imperial Russia.

Keywords: Soviet historiography, revolution, North Caucasus, national liberation struggle, autonomy.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-33-38